

Ночная мгла, словно густые чернила, разлилась по каждому уголку города.

— Фух... — Ань Жань перевела дух и крепче прижала к себе виолончель, которую ласково называла Малышкой Си. Холодная и твёрдая поверхность футляра дарила ей невероятное чувство защищённости.

За кулисами концертного зала отопление работало на полную мощность, и теперь, стоило ей оказаться под порывами позднего осеннего ветра, как по обнажённым белым рукам тут же побежали мурашки. Она невольно втянула голову в плечи. Её фирменные длинные волосы нежно-розового оттенка, напоминающие лепестки сакуры, слегка качнулись, ловя тусклый свет у выхода и переливаясь сказочным сиянием.

Сегодняшний концерт прошёл успешно. Когда отзвучала последняя нота, громоподобные овации в зале, казалось, были готовы снести купол. Для Ань Жань это чувство было слаще самого изысканного клубничного торта. Она даже представила, как её обычно простодушное и слегка наивное личико на сцене выглядело серьёзным и исполненным истинного артистизма.

Вспомнив об этом, она не удержалась и тихо хихикнула. На самом деле, только она сама знала, что в самый кульминационный момент исполнения её мысли были заняты лишь тем, как бы после концерта успеть в ту новую лавку за углом, где готовят такаяки, и взять порцию с двойной порцией стружки тунца.

— Артисты тоже должны кушать! — прошептала она в своё оправдание, пытаясь поймать такси.

На ней было простое белоснежное платье до колен — её боевой наряд. В нём не было никаких излишеств, но оно идеально подчёркивало фигуру, способную вызвать зависть у любой женщины и свести с ума любого мужчину. Тонкая талия, которую можно было обхватить ладонями, прямые стройные ноги — её кожа в ночном свете казалась ослепительно белой. Черты лица были изящны, словно работа великого мастера, а глаза, чистые и ясные, как у оленёнка, светились невинностью человека, далёкого от мирской суеты.

К несчастью, район был глуховат, а время — глубокая ночь. Все такси, проезжавшие мимо, были заняты.

— Эх, похоже, мои такаяки накрылись, — Ань Жань разочарованно надула губки, совсем как ребёнок, оставшийся без конфеты.

Она взглянула на карту в телефоне: чтобы добраться до её маленькой съёмной квартиры, нужно было пройти через старый квартал, где почти не было людей, зато путь сокращался вдвое. Жажда вкусно поесть победила страх перед темнотой.

— Ань Жань, соберись! Ты же храбрая виолончелистка! — подбодрила она себя, обняла футляр и зашагала вперёд.

Фонари в старом квартале мигали, отбрасывая на стены причудливые, пугающие тени. Воздух был пропитан сыростью и зловонием от мусорных баков. Ань Жань невольно прибавила шаг. Цокот её каблучков по мокрому асфальту звучал в тишине переулка особенно отчётливо. Она про себя повторяла сюиты Баха, пытаясь отогнать тревогу. Так было всегда: и в радости, и в печали она тянулась к музыке. Виолончель была её броней и её уязвимостью.

Её жизнь была проста: репетиции, выступления, вкусная еда. Она мечтала однажды оказаться в Вене и дать всему миру услышать её и Малышку Си. Родители рано ушли из жизни, и она привыкла справляться сама, живя на стипендии и случайные гонорары. Было нелегко, но она находила в этом свою прелесть. Ей всегда казалось, что мир — как её любимый клубничный торт: по большей части, он сладкий.

Внезапно из глубины переулка донеслись грубый смех и звон разбивающихся бутылок. Сердце Ань Жань сжалось, ноги приросли к земле. Три пьяных субъекта, пошатываясь, вышли из темноты, преграждая ей путь. От них разило перегаром, а мутные глаза жадно впились в неё. Увидев в полумраке её ошеломительно красивое лицо и соблазнительную фигуру, они не сговариваясь сглотнули слюну.

— О, крошка, что ты делаешь здесь одна так поздно? — главарь, лысый мужчина, икнул и хищно оглядел её с ног до головы. — Может, проводим тебя?

— Точно, — поддакнул худой долговязый, скалясь в пошлой ухмылке. — Мы, братаны, умеем проявлять заботу.

От их взглядов Ань Жань стало не по себе. Она инстинктивно прижала футляр к груди и постаралась придать голосу твёрдости:

— Н-не нужно. Мой парень сейчас придёт за мной.

Эта ложь была шита белыми нитками. Лысый расхохотался:

— Парень? И где же он? Пусть выйдет, выпьем вместе! Ха-ха-ха!

Они начали надвигаться. Запах дешёвого алкоголя и пота вызывал у девушки тошноту. В голове была пустота, страх тисками сдавил грудь. Она хотела бежать, но ноги стали словно свинцовыми.

— Не... не подходите! Я вызову полицию! — голос её дрожал.

— Полицию? — Лысый рассмеялся, словно услышал лучшую шутку в жизни. — Давай, вызывай! Пока они приедут, мы уже закончим!

Он протянул сальную руку, пытаясь схватить её за запястье. Ань Жань вскрикнула и

зажмурилась. Но ожидаемого рывка не последовало.

Хруст.

Короткий, сухой звук вывиха кости эхом разнёсся по переулку. А следом за ним — истошный вопль лысого.

— А-а-а! Моя рука! Она сломана!

Ань Жань в ужасе открыла глаза и замерла. Перед ней, словно неприступная стена, возникла высокая фигура. Это была женщина. Невероятно высокая, в безупречном чёрном тренче, перехваченном поясом на талии. Под тренчем виднелись строгие брюки и начищенные до блеска туфли. Она стояла неподвижно, но от неё исходило такое давление, что перехватывало дыхание.

Чёрные, как смоль, волосы лежали ровными прядями, отливая холодным блеском. Ань Жань перевела взгляд на лицо незнакомки. Идеальное, холодное, с глубокими чертами и тонкими, суровыми губами. Но больше всего поражали глаза — миндалевидные, с приподнятыми уголками, они напоминали два омута ледяной воды. В них не было эмоций — только ледяное равнодушие, с каким смотрят на неодушевлённый предмет.

— Пошла вон.

Слово сорвалось с её тонких губ — тихое, но властное, как приказ. Двое других пьяниц, протрезвев от испуга, посмотрели на неестественно вывернутую руку своего главаря, затем на эту пугающую женщину и, не проронив ни слова, подхватили лысого и бросились наутёк.

В переулке снова воцарилась тишина. Женщина медленно повернулась. Когда её взгляд упал на заплаканное, бледное лицо Ань Жань, в её ледяных глазах на мгновение промелькнуло нечто едва уловимое. Она сделала шаг навстречу.

Ань Жань инстинктивно отпрянула. От этой женщины, спасшей её, исходило ещё больше давления, чем от тех хулиганов. Заметив её испуг, незнакомка остановилась. Её голос стал мягче, но всё ещё отдавал холодом:

— Ты в порядке?

— Я... да, — заикаясь, ответила Ань Жань. — С-спасибо вам.

— Пустяки, — бросила женщина, на секунду задержав взгляд на футляре, а затем снова вернувшись к лицу девушки. — Ты здесь живёшь?

— Да... совсем недалеко.

— Я подвезу тебя.

Это не был вопрос, это был приказ.

— А? Нет, не нужно, не хочу вас беспокоить... — Ань Жань замахала руками.

Женщина проигнорировала отказ, продолжая смотреть на неё своими глубокими глазами. Этот взгляд, казалось, проникал в самую душу, и все возражения застряли у Ань Жань в горле. Она лишь покорно кивнула.

Женщина, казалось, осталась довольна её послушанием — уголки её губ едва заметно дрогнули, но тут же вернулись в исходное состояние ледяной невозмутимости.

Они вышли из переулочка. У обочины стоял чёрный Bentley Mulsanne, смотревшийся здесь как инородное тело. В салоне было тепло, пахло чем-то стерильным и холодным — тонкий, дорогой аромат, такой же властный, как и сама хозяйка.

— Сыту Яо.

Когда Ань Жань назвала адрес, женщина, сидевшая за рулём, внезапно заговорила.

— А? — Ань Жань растерялась.

— Моё имя, — пояснила Сыту Яо, не сводя глаз с дороги.

— О! А я Ань Жань! Ань — это безопасность, Жань — это значит так! — заторопилась представиться девушка, боясь показаться невежливой.

Её наивная, простодушная суетливость делала её похожей на зверька, который пытается понравиться новому хозяину. Сыту Яо, глядя в зеркало заднего вида, запоминала каждое её движение, и её взгляд становился всё темнее.

Машина быстро доехала до дома.

— Спасибо вам, госпожа Сыту, правда... огромное спасибо! — Ань Жань вышла из машины и ещё раз поклонилась.

Сыту Яо опустила стекло и протянула визитку из холодного на ощупь материала.

— Там мой номер. Я врач. Если почувствуешь себя плохо, звони в любое время, — её голос был профессионально холодным.

— Хорошо, хорошо! — Ань Жань приняла визитку обеими руками. На ней были только имя и номер телефона. Ни должностей, ни адреса.

— Иди, на улице холодно, — сказала Сыту Яо и подняла стекло.

Ань Жань, то и дело оглядываясь, скрылась в подъезде. Чёрный Bentley не уехал сразу. Внутри салона Сыту Яо смотрела на исчезнувший в дверях силуэт, и её вечная ледяная маска треснула. Она достала телефон и открыла фотографию. На ней была запечатлена сцена сегодняшнего концерта: девушка с розовыми волосами в белом платье, закрыв глаза, самозабвенно играла на виолончели — святая и прекрасная.

Её длинные пальцы нежно, почти пугающе ласково коснулись экрана, поглаживая щеки девушки на снимке. В ледяных глазах бушевала подавляемая годами одержимость и жажда обладания.

Она прошептала, и голос её прозвучал как любовное признание, смешанное с дрожью хищника, добившегося своего:

— Ань Жань... моя... золотая птичка. Наконец-то... я нашла тебя.

<http://bllate.org/book/20547/2052057>